

Новое Время

№ 10152 ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 7-го (20-го) ЮНЯ 1904 ГОДА.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ № 10152

ПО ФИНЛЯДИИ.

Вильманстранд.

Только сутки прожить я в Вильманстранде. И довольно. Жара, миль, духота... Это кь самому городу, а вокруг благодать: Сайба, очарованные леса, белое крыло паруса, тонущее в голубом уношении, манящая, прозрачная даль...

Город маленький, весь почти деревянный и одноэтажный. Он должен быть хорош сь итичьего полета, как желто-красное пятно среди темной зелени хвойных лесов, во, уны, для этого надо быть итирей. Впрочем ради таких-же созерцательных видов здесь имеется специальная башня, указывающая даже в путеводителях. Едва ли это не единственная городская достопримечательность, если еще не считать вильманстрандской мызы, которая тоже упоминается в путеводителях. Сверхшая мыза, несомненно мыза! Канал-то особенно яден и надеждливый. Она проникает мельчайшими стволы сквозь одежду, ея весь покрываешься словно сьбыры коконом. Что насчет башни, то она устроена так, что с нею ничего не видно, кроме фабричных труб. Но крайней мызе в том самом месте, где казалось бы могли раскрыться широкие перспективы, встает целый ряд каких-то заводов и загоразкивает впечатленье. За фабриками видятся печальные холмы сь низкими каменными постройками, сь бддой френской церковью, мерещеющейся из-за кучи деревьев. То остатки прежнего Вильманстранда. Там когда-то были укрытия, теперь же разбиты городской сады, а постройки — это наши казармы. Уголком тот помнит Суворов и церковь та Покрова построена будто бы по его настоянию. Показывают даже место на кладбище, где главный генерал скончался. Церковь старенькая и полаялая. Плакучий березы вокруг. Пахветь вьянками пополам сь остывшим ладаном. На меня все это произвело впечатленье чего-то забытого и безомощного. Слово старый казармский мундир, выдвинувший и подрыпающийся, вынелись провѣтриваться на солнце...

Стало смотреть вь другую сторону. Блестит что-то... Солнце ударяет вь большия окна и свѣтъ тот не стерпим для глаз. Что такое? Оказывается, финская народная школа. Безь алегторий, она ослѣпляет. Это деревянное здание большое и красивое. Рядом каменный дом — еще школа для совѣстного обучения. Обѣ онѣ не представляют никакого исключения и ничѣм ни по устройству, ни по программѣ не выдѣляются изъ общаго уровня финскихъ народныхъ школъ, подобныя имъ я встрѣчалъ и вь другихъ уѣздныхъ городахъ Финляндии, но здѣсь, вь этомъ уѣздномъ заштѣ, онѣ были единственнымъ явлениемъ, гдѣ казалось бился пульс жизни.

По случаю лѣтнихъ каникулъ школы были закрыты, но все вь нихъ дышало любовью, нравственнымъ порядкомъ и нравственной чистотой. Программа финскихъ народныхъ школъ и права, которая дается ова, общеняственны. Что бы ни говорил о ней, какихъ бы минусовъ ни поды-

скивали, фактъ тотъ, что финская школа несомнѣнно является однимъ изъ блестящихъ преимуществъ этой страны передъ многими другими. Не Гельсингфорскій университетъ, а именно эти скромныя провинциальныя школы заставляютъ думать о сравнительно высокомъ уроствѣ просвѣщенія вь Финляндии. Университеты, какъ университеты, а школы такихъ мало. Между тѣмъ студенческой школой здѣсь все кишится, а школьники будто бы уже такое заурядное явленіе, что о нихъ не стоитъ и разговаривать. Но вѣдь изъ этихъ школъ, изъ среды народныхъ учителей пошла и вся новая финская литература и много такихъ значительныхъ и жизненныхъ чертами не обрисовала эта литература, какъ школьныхъ учителей. Мнѣ необычайно милы эти безыдейные труженики, строго и неустанно служащие своему дѣлу во имя идеи. Они сь головой ушли вь свою работу и слышатъ уже тѣмъ, что молоты. Жизней, доступный характеръ имѣетъ здѣшняя школа. Двери ея широко раскрыты для всякаго приходиваго учителя. Учителя буквально всѣ и неучь наказываются общими презрѣніемъ. Говорите о какихъ хотѣте односторонностяхъ программы, обѣ излишествахъ увлеченій физическимъ воспитаніемъ, обѣ отсталости, прѣе всего выразившейся вь тѣлесномъ наказаніи, которое здѣсь существуетъ, но вы не можете вь одномъ отказать этой школѣ — вь ея духовной связи сь народомъ, построенной на взаимномъ доверіи. Народъ доверяетъ школѣ своихъ дѣтей и школа доверяетъ своимъ дѣтямъ народу.

Вильманстрандская школа не лучше и не хуже другихъ финскихъ народныхъ школъ, — сказала я. Прочтите объ организаціи школьнаго дѣла вь Финляндии вь специальныхъ исследованияхъ, — тамъ вы найдете подробныя свѣдѣнія учебной программы и нравственнаго кодекса этихъ школъ. И не объ этомъ хоту и говорить. Дѣло вь томъ, что вь Вильманстрандѣ, изнывъ отъ скуки за одни сутки гораздо больше, чѣмъ за мѣсяцъ одиночнаго заключенія, вечеромъ я отирая пальцы бродить по городу и случайно наткнулся на... русскую школу.

Какъ же это я забылъ о ней?.. Вѣдь вь каждомъ городѣ есть такая школа, но только всегда о ней не слышно и ея не видно за финской школой. Эта школа притаилась совсѣмъ вь уголкѣ, на окраинѣ, подъ гостеприимной сѣнью столѣтнихъ кленовъ городского кладбища.

Постучался. Отперла служанка. Ни слова по-русски. Спрашиваю учителя: не понимаетъ. Какъ добился толку и все-таки школу осматривать. Интересно. Здѣсь я нашелъ не учителя, а учительницу, милую сѣдоволосую иудейскую, вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ учительствующую по Финляндии. Вь Вильманстрандѣ она что-то уже около четверти вѣка. Отъ нея-то я и услышалъ много интереснаго и о русской и о финской школѣ.

— Войдите, войдите! Ова могла настаивать на этомъ, хотя бы затѣмъ, чтобы дать возможность полюбиться на образованію чистоту ея школы. Тутъ замѣчалась конкуренція сь финской. Нигдѣ ни цылики, ни соринки. Обстановка бедненькая, но гдѣ можно принарядиться

знатнѣею, ширинѣю, а то и просто сухой учебной табличкею.

— Бѣда у насъ, что дѣлать! Не выспирте. — вздохнула старая учительница.

И началась безпрестанный живой разговоръ о томъ, какъ здѣсь живется и каково работается. Тяжелый, героический трудъ. Но сѣдоволосая идеалистка говоритъ о немъ до сихъ поръ сь улыбкой и, что гораздо важнѣе, сь улыбкой прибавляетъ. Она разжигала между прочими, какъ за послѣднее время русская школа осаждаются финнами.

— Почему? — возмутился я.

— Да просятся учиться. А какъ это прилежные ученики, если бы вы знали. Они не скоро все поучатъ, за то заданное поучатъ на удивленіе.

— И что жъ? Вы много ихъ принимаете?

— Да столько только можно. Наплывъ такой, что свѣтъ бы мѣста не хватило, а вь этой кѣлтѣ не размѣрились... И она показала на сѣренныя узны етѣмъ комнаты, гдѣ мы сидѣли.

Было на самомъ дѣлѣ непривѣтливо, тѣсно. Зато все здѣсь казалось выполненнымъ роковыми мечтами, которые являлись вь юмнату выскѣ сь разширенъ потуховаго дѣла и всматривались вь самыхъ дальнихъ темныхъ углахъ...

Потомъ вь Гельсингфорскѣ, когда я сталъ строить такіе же призрачныя теории на основаніи этой вечерней бесѣды сь милой вильманстрандской учительницей, иллюзіи мои были разрушены вь одинъ мигъ. Ушатъ холодной воды опрокинулся на мою разгоряченную голову.

— Да вы что же полагаете, что финны добровольно и ради какихъ-то тамъ чувствительныхъ побужденій приходятъ учиться? Онибавается. Или руководить обыкновенный расцѣты.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Объявлено, чтобы вь девятисотъ пятую году говорили по-русски, а то сь мѣста делай, такъ вотъ всѣ и потащались вь школу...

Но мнѣ кажется, что изъ одного этого явленія достаточно ясно видна та важная роль, которую должна играть русская народная школа вь Финляндии. Ея принадлежать громадное политическое будущее. Объявлено срокъ 1905 году. Такая система даетъ время обдумать, извѣстны ли настоящее положеніе вещей и не гонять вь шеню. Сь русскими языкомъ давно бился вь Финляндии. Только вѣдь языкъ, вытѣсненный клещами, плохой, а то и вовсе не дѣйствующій языкъ. Можно самому прикусить язычекъ, заботясь о чужомъ. Языкъ — свободное орудіе даже тогда, когда его показываютъ другому. И вотъ примѣнительно кь духу миролюбивой политики, кь свойствамъ народа, сдѣлали большую уступку тамъ, гдѣ могли сразу потребовать законнаго предписанія. Сказали, какъ у Чехова: «Помните 22-го торгилъ» Это милостивое поощреніе имѣло свои благія послѣдствія. Практический умъ финна сообразилъ положеніе дѣлъ, и мы видимъ, что финскія дѣти пришли проситься вь русскую школу.

Такимъ образомъ мои гельсингфорскія иллюзіи были поколеблены, но не совсѣмъ. Все-жъ оставалось просѣять на хорошее будущее. Надежда на школу, какъ на миролюбивую посредницу вь политикѣ, нѣтъ

далеко не такое гадательное значеніе. Да впрочемъ упорядоченіе русской народной школы вь Финляндии вь настоящее время является уже вопросомъ влостъ на-арѣзаннѣмъ. Необходима коренная реформа. Во-первыхъ русская школа нужна была одинаковой сь финской; во-вторыхъ, программа должна быть расширена сообразно сь мѣстными потребностями, такъ напримеръ нужно ввести вь преподаваніе количественный естественныя науки, кь которымъ финны тяготеютъ сь дѣтства и которая у нихъ вь школѣ поставлены образцово. Вь педагогическомъ отношеніи необходима будетъ общерприватная здѣсь шведская гимнастика и, какъ единственное отступленіе отъ сувереннаго порядка, допустима только отѣлка совѣстнаго обученія. Вь этой системѣ разочаровались сами финскіе педагоги. Члены комисиі путемъ побѣдохъ по краю и осмотра мѣстныхъ школъ могутъ ознакомиться сь бытовыми условіями, сь которыми пошевелъ приходится считаться, благо дара крайне сложной этнографіи края. Разумѣется, вь самой программѣ обучения национальная точка зрѣнія должна измѣниться радикально. Важнѣе самый тщательный пересмотръ всѣхъ функционирующихъ учебниковъ.

Когда спросили финновъ, отдадутъ ли они дѣтей вь такую русскую школу, тѣ отвѣчали:

— Конечно, отдадимъ.

Характерная подробность: яп одинъ финнъ не соглашается отдать вь школу своихъ ребятъ *оаромъ*. Вь виду этого имъ предложено вносить за уроки русскаго языка кто сколько можетъ. Но количество желающихъ вездѣ такъ велико, что многимъ ученикамъ пришлось отказатъ вь поступленіи. Относительно языка, на которомъ возможно преподаваніе вь реформированной русско-финской школѣ, вопросъ остается открытымъ. Вѣроятно, вь первыхъ классахъ преподаваніе мыслимо только на обоихъ языкахъ, или же общей программѣ надо предпослать специальный курсъ русскаго языка. По этому поводу мнѣ вспоминается остроумное замѣчаніе одного финляндца:

— Трудно будетъ сь языкомъ, трудно, — покачалъ онъ головою, — придется пожалуй учиться по-русски, а вѣдь мы и своему-то языку еще не научились!..

Эту простую истину слѣдовало бы помнить вообще тамъ, гдѣ приходится сталкиваться сь вопросомъ объ усвѣхахъ русскаго языка вь Финляндии. Финны, если не отвѣчаютъ вамъ по-русски, такъ потому, что дѣйствительно не знаютъ языка, а не ради какой-либо сепаративной ненависти. Они вѣдь также не отвѣчаютъ и французу, и нѣмцу, и англичанину. Большинство ихъ до сихъ поръ предпочитаетъ говорить по-шведски. Финскій языкъ, какъ таковой, несмотря на всѣ старанія, развивается очень туго. Русское дѣло должно считаться сь этимъ и даже придти на помощь. Главной помѣхой для обоихъ языковъ является шведскій языкъ, который до сихъ поръ еше не перестаетъ занимать мѣсто на всѣхъ надписяхъ. Но любой доречекъ на уличныхъ углахъ обыватель прочтетъ по-фински, не дойдетъ по-русски, ну, и выйдетъ по-шведски!..

Юр. Вѣзнецъ.